

АРКАДИЙ ГАЙДАР

ТАЙНА ГОРЫ

Аркадий Гайдар

Тайна горы

«Public Domain»

1926

Гайдар А. П.

Тайна горы / А. П. Гайдар — «Public Domain», 1926

«Прощался с Верой Реммер не как все. Он раскатисто, звонко смеялся, несколько раз подходил к столику, наливал в рюмку коньяк, возбуждённо опрокидывал её в рот и повторял, улыбаясь:– Ну, смотри, чтобы никто и ничего, иначе мы можем сорваться...»

Аркадий Гайдар

Тайна горы

Прощался с Верой Реммер не как все. Он раскатисто, звонко смеялся, несколько раз подходил к столику, наливал в рюмку коньяк, возбуждённо опрокидывал её в рот и повторял, улыбаясь:

– Ну, смотри, чтобы никто и ничего, иначе мы можем сорваться.

Оставалось десять минут до того времени, когда за Реммером должен был зайти его товарищ по экспедиции.

Вера посмотрела на часы и улыбнулась. Не потому, что ей было слишком весело, а потому, что её заражала бодрая уверенность Реммера. И, накинув ему на шею петлёй гибкие смуглые руки, она спросила напоследок:

– Виктор... а что если Запольский опять?..

Реммер нервно сдёрнул её руки и ответил не грубо, но резко:

– Это твоё дело. Я не вмешиваюсь и... не будем больше об этом говорить!

Затрещал телефон. Вера взяла трубку. Звонили из редакции, спрашивали:

– Уехал Реммер или нет?

– Нет, сейчас уезжает.

Она хотела передать трубку, но телефон быстро дал отбой. В коридоре послышался стук шагов, пришёл товарищ Реммера – Фёдор Баратов. Он так же, как и Виктор, был одет в серые холщовые бриджи, в рубаху с широким раскинутым по плечам воротом и обут в высокие кожаные сапоги.

– Аллю! – вместо приветствия сказал Реммер. – Можно ехать?

– Можно.

Два вещевых мешка были захвачены в левые руки, две охотничьих винтовки – в правые, и все троём спустились вниз к машине.

Был вечер. На Сибирской возле редакции кричал громкоговоритель:

– Проект концессии на разработку золотых приисков в верховьях Вишеры...

Мимо проезжали машины с иностранцами, в большинстве янки.

– И откуда их так много набралось! – сказала Вера. – Рыщут и рыщут. Вчера на пароходе человек двадцать приехало.

Реммер сел в машину последним.

– Аллю! – крикнул он шоферу. – Дай ход...

Но прежде чем шофёр успел нажать ногой педаль, к дому с треском подлетела мотоциклетка, и телеграфист, не соскакивая с сиденья, кинул Виктору телеграмму.

Он распечатал, оттолкнул рукою дуло винтовки, и кривая усмешка перекосила его ровное лицо:

– Стоп!..

Не раскрывая дверцы, он легко перескочил через борт машины на мостовую, вбежал в дом и нажал кнопки телефона, автоматически соединяясь с редакцией:

– Это вы?.. Я только что получил телеграмму о том, что Штольц проверил и подтверждает всё, он успел уже на три дня раньше... Я не особенно доверяю Штольцу... Да, да... Я имею на это основание и всё-таки еду сам...

Он вышел, на ходу поцеловал в щеку Веру и вскочил в машину. Шофёр вовремя нажал рукой рычаг, отпуская тормоз, и машина, загудев, понеслась к пристани.

Это было ровно в девять часов вечера, 25 июня 1925 года.

В половине девятого, в тот же вечер, с запада прилетел двухместный аэроплан, и бритый серый англичанин в костюме, немного помятом в дороге, подъехал к квартире Реммера. Там

он оставался не более трёх минут, ибо в ней никого не было, кроме уходящей домой Веры. И Вера слышала, как он сказал своему спутнику по-английски:

– Джон, через час вы вылетите в Чердынь и передадите ему этот пакет...

Ночь 25 июня 1925 года была замечательна и тем, что в самой большой гостинице города в четырнадцатом номере повесился человек, только что перед этим прописавшийся Сергеем Кошкиным, танцором-чечёточником, 52 лет от роду.

* * *

В IV классе парохода «Красная Звезда» было шумно и оживлённо, но тесно до отказа. Никогда раньше пароходам Камы не приходилось перевозить такую разношёрстную буйную публику. Слухи о больших изыскательных работах в горах, в верховьях Вишеры, заставили хлынуть туда тысячи человек из южных губерний СССР.

Все те, кто околачивался раньше без дела в Одессе, Ростове, Новороссийске, собрав несложные манатки, быстро перебрасывались с юга, через Пермь, на север.

Ходили слухи об открытых американцами сказочных богатствах, о находке самородков. И хотя точное местонахождение этих залежей ещё никому не было известно, хотя никто ещё не видел ни одного человека, нашедшего самородок хотя бы в два грамма весом, однако все чувствовали, что раз американцы взялись, значит что-то тут да есть.

Позади огромных мешков с войлоком в укромном углу сидели два человека. Осторожно оглядываясь, один из них время от времени отворачивал борт рваного ватного пиджака и, не вынимая из кармана бутылки с дешёвым коньяком «Экстра», наливал жестяную кружку, подставленную товарищем. Оба по очереди рывком опрокидывали коньяк в глотки, затем из другого кармана извлекалась тонкая ненарезанная чайная колбаса, от которой сразу отхватывалось зубами полчетверти.

Реммер, как и всякий журналист, был любопытен. Он спустился вниз и, усевшись на мешки, разговорился с одним вятским мужичком.

– Куда, дядя, едешь? – спросил он, угощая того папиросой.

– Куды?! – добродушно ответил тот. – Известно, куды все, туды и я...

– А зачем?

Мужичок удивлённо посмотрел на него, потом ответил, закуривая:

– Да ведь как же, у нас хлеба каждый год плохие, каждое лето мужики на отхожие промысла уходят. И я ходил раньше либо канавы рыть, либо по штукатурке. А тут такое дело вышло, попёр народ туды. Ну, думаю, дай и я тоже, авось счастье выйdet!

Потом, почему-то снижая голос, добавил, растягивая слова:

– Говорят, которым людям удача бывает, ба-а-альшущие куски находят. По хунту, а то и больше...

Реммер улыбнулся, хотел ответить, но не сказал ничего, потому что из-за мешков услышал, как чей-то подвыпивший голос негромко, но резко сказал:

– А я тебе говорю, что Штольц заплатит.

– Ды ни-столько!..

– Нет, столько...

– Да если твоего Штольца со штанами продать, откуда он возьмёт столько?!

– Не знаю, – менее уверенно, но всё же твёрдо ответил другой. И потом совсем тихо, так тихо, что Реммер еле-еле услышал, добавил: – А не заплатит, так не видать ему ни одной бумажки...

Реммер весь насторожился, но больше разобрать ничего не смог...

Он пошёл к себе в каюту.

– Тебе радиограмма, – сказал ему Баратов.

Реммер разорвал. Вера сообщала: 1. Какой-то человек на аэроплане вылетел в Чердынь, чтобы передать тебе пакет. 2. Из Киева сообщают, что ничего не известно.

Первый пункт Реммера озадачил, второй – вызвал складку на лбу: вторым пунктом он был недоволен.

– Алло! – сказал он, подавая Баратову депешу. – Что это за аэроплан?

Тот удивлённо пожал плечами, не зная, что ответить.

В это время в дверь каюты постучал матрос и сообщил, что Реммера вызывают из Перми по беспроводному телефону. Он подошёл. Говорила Вера. Она сообщила, что два часа тому назад кто-то со стороны веранды вырезал стекло и, проникнув в комнату Реммера, взломал ящики письменного стола! Сейчас работает угрозыск.

Вместо того чтобы нахмуриться или взволноваться, Реммер рассмеялся и ответил спокойно:

– Верочка, не беспокойся... Ничего особенного там не было...

Когда он отходил от аппарата, лицо его выражало сильнейшее удовольствие, и по губам прошла широкая весёлая улыбка.

Пожилый англичанин, пьющий у стойки буфета виски, удивлённо посмотрел на странную, ничем не оправдываемую улыбку русского и протянул руку за следующей рюмкой. А Реммер распахнул дверь каюты, бросился на койку и сказал Баратову:

– Пока всё очень хорошо. Ящики взломаны...

И, быстро раздевшись, лёг спокойно спать.

* * *

По делу о взломе ящиков в квартире Реммера Веру вызвали в угрозыск. Её начальник, товарищ Седых, был ей хорошо знаком. Он спросил её о некоторых подробностях, о том, не известно ли ей, похищены какие-либо вещи или нет?

– По-моему, нет, – ответила Вера. – Я говорила с Виктором по радио, и он передал, что ничего ценного в его ящиках не было...

Вера хотела уже уходить, как взгляд её упал на письменный стол начальника.

– Откуда это у вас? – удивлённо спросила она. – Это, вероятно, взломщики взяли с собой, а вы нашли у них?

И она протянула руку за красной маленькой звёздочкой из уральского камня, на которой были поставлены её инициалы. Но начальник вдруг нахмурился, точно внезапная новая мысль пришла ему в голову. Однако тотчас же улыбнулся и спросил:

– Разве вещичка знакома вам?

– Это звёздочка Виктора. Я подарила ему её как раз в начале весны, когда... – Она запнулась на мгновение, потом тотчас же улыбнулась и добавила спокойно: – Когда я разошлась с мужем и сошлась с Виктором. Но как она попала к вам?

Седых ответил что-то неопределённое, потом, сославшись на занятость, вежливо распрощался.

Едва Вера вышла, начальник вызвал к себе старшего инспектора Балабуша и приказал:

– Телеграфируйте в Чердынь – установить слёжку за журналистом Реммером, вероятно, его придётся арестовать...

Инспектор Балабуш был крайне удивлён. Но инспектор не имел привычки много разговаривать, и если бы его начальник сказал, что надо арестовать самого председателя окрисполкома, значит, у начальника были веские доводы.

В это время Вера сидела в театральном садике, читала какое-то письмо, ела мороженое и была страшно далека от мысли о том, что она сделала...

* * *

В Чердыни человек в крагах и авиаторской шапке принёс Реммеру в гостиницу пакет. Там было 10 пятидесятидолларовых бумажек и письмо от одной из крупнейших американских газет, в котором в сухой, чисто деловой форме делалось ему предложение информировать газету о ходе изысканий бассейна реки Вишеры.

Реммер прочёл письмо, посмотрел на каменное лицо авиатора, потом сел за стол и начал писать ответную записку. Но через минуту он разорвал написанное, встал и сказал лётчику:

– Хорошо.

Человеку в крагах, по-видимому, кто-то вполне доверял, ибо человек в крагах не потребовал ни расписки, ни ответа. Он повернулся и вышел.

– Подкуп? – коротко спросил Реммера Баратов.

– Да, – ещё короче ответил тот.

Гостиница была набита до отказа. Реммер умывался в то время, когда с хозяином спорили двое.

– Номеров нет, – убеждал хозяин.

– То есть как нет, когда надо, – резко отвечали ему. – Мы в коридоре заночуем!..

– Номеров нет, – упрямо повторил хозяин, – а если вы будете скандалить, я позову милиционера.

Реммер вытер мокрую голову и вышел в коридор. Там он встретил двух спорящих людей и в одном из них узнал того, который упоминал имя Штольца за войлочными тюками парохода.

Реммер остановился и ещё раз внимательно посмотрел на них, точно желая крепче запечатлеть в памяти их лица. Если бы Реммер обернулся в этот момент, то он увидел бы, что в пяти шагах в стороне стоит незнакомый человек и внимательно, с той же целью, всматривается в его собственное, Реммера, лицо.

– Виктор, – сказал ему Баратов, когда, попыхивая в темноте последними перед сном папиросами, они лежали в кровати, – а не слишком ли рискованную игру мы ведём? И не лучше ли всё дело передать в руки следственных органов?

– Нет, – после минутного молчания ответил Реммер, – фактов ещё никаких, а кроме того... а кроме того, я люблю иногда ходить по битому стеклу.

* * *

По реке Вишере тянулись вверх лодки, нагруженные поклажей. Сами приискатели шли пешеходом по берегам. Ночевали у костров, прямо под открытым небом. Вставали с зарёй, снова и снова торопились вперёд.

Время от времени попадались сторожевые посты, домики милиции, наспех, но крепко сколоченные и обнесённые двумя рядами колючей проволоки.

Многие из проходивших задолго перед постами сворачивали в сторону и старательно обходили их по тем или иным соображениям, не желая встречаться с заставами.

Впрочем, застав было всего пять на пятьсот вёрст от Чердыни до Золотого камня – горы, у подножия которой вырос целый посёлок, центр изыскательных работ.

Через пять суток моторная лодка благополучно доставила Реммера и Баратова от Чердыни до места.

Посёлок был разбросан на скалистой, покрытой лесами и изрезанной шумными ручьями местности.

Встретился со Штольцем Реммер в тот же вечер. Встретились они как умные враги, знающие силу друг друга, вежливые, спокойные, взвешивающие каждое выпущенное слово и улавливая за словами противника скрытый смысл.

– Здравствуйте! Как дела? Не устали? – спросил Штольц.

– Спасибо... Совсем не устал. Крепок, как и всегда.

– Здесь климат очень нездоровый. Я, например, иногда скверно чувствую себя.

– Вряд ли в Перми вы чувствовали бы себя теперь лучше, – пряча улыбку, ответил Реммер, – там лихорадит. Может быть, вам нездоровится от того, – здесь Реммер пристально посмотрел на него, – что вы слишком много работаете?

– Много... – коротко отрезал Штольц, но, спохватившись, переменил тон и сказал дружелюбно: – Впрочем, вы ведь только что с дороги, заходите ко мне, я вас познакомлю кое с кем из здешних инженеров. Кстати, пообедаем.

Реммер заколебался, но тотчас же сообразил, что это знакомство будет ему весьма полезно, и согласился.

Зашли в бревенчатый дом. Свежая пакля ещё торчала ключьями из стен, пахло смолистыми непросохшими брёвнами, по стенам стояли две койки с походными матрацами, в углу несколько винтовок, а посередине большой стол, накрытый простынёй, вместо скатерти, и уставленный закусками и вином.

Не прошло и пяти минут, как в комнату вошли трое; из них два американца-инженера, помощник начальника изыскательной экспедиции Янсон и ещё некто, кого Реммеру отрекомендовали мистером Пфуллем – спортсменом и известным путешественником, большим любителем охоты на медведей.

Реммер поздоровался с инженерами и с удивлением посмотрел на короткого и толстенького мистера Пфулля, не совсем понимая, как это такой пухлый и круглый человечек может быть ярким охотником, да ещё на такого крупного зверя, как медведь.

В продолжение нескольких дней Реммер осматривался и наблюдал за кипучей жизнью посёлка Золотой горы.

Каждый день дальше в горы на восток отправлялись новые и новые люди. Иногда с востока приезжали инженеры, оборванные, грязные, с озабоченными энергичными лицами. Они отправлялись в кабинет концессионной конторы, о чём-то подолгу докладывали мистеру Янсону. Потом в Москву начинали посылаться доклады, а в газеты Штольц посылал соответствующую информацию:

«Обнаружено золото рядом с восточной границей района концессии...»

«По заключению инженера Бранта, мощная золотоносная жила должна проходить у восточной части концессии...»

Читая эти короткие сообщения, Реммер невольно удивился. Он начинал чувствовать, что подозрения его относительно Штольца на этот раз начинают немного колебаться.

В самом деле, американская концессия охватывала сравнительно небольшой район. Всем было хорошо известно, что концессионеры старались расширить его и потому изыскания производят по соседству. Ясно, что им было бы выгоднее умалчивать о новых открытиях, а если не умалчивать, то по крайней мере преуменьшать их значение.

А тут?.. Телеграммы Штольца – чёткие, определённые и, по-видимому, соответствующие действительности.

У Реммера со Штольцем были старые счёты, и Реммер имел основание подозревать его кое в чём. Но в данном случае Штольц действовал, по-видимому, вполне честно.

Через неделю Штольц куда-то исчез из посёлка. Реммер спрашивал у Янсона, у инженеров, зашёл даже к мистеру Пфулю. Мистер Пфуль был дома, сидел в кресле с грелкой на животе и с ногами, укутанными в плед, пил какао.

Мистер Пфульль извинился за свой домашний костюм и объяснил, что ему весьма нездоровится, потому что во время последней охоты он оступился, сорвался с уступа скалы и, падая, получил сильные ушибы.

Реммер высказал соболезнование, надежду на скорое выздоровление, но в душе остался при сильном подозрении, что у мистера Пфульля просто насморк и больше ничего.

О Штольце он ничего не узнал. Но вечером двое рабочих передали, что видели Штольца в сопровождении каких-то двух бродяг, направившихся в лес на северо-восток.

Реммер удивился: почему на северо-восток? В той части не производилось никаких изысканий, ибо инженеры единогласно пришли к заключению, что россыпями та сторона наиболее бедна.

* * *

Утром Реммер и Баратов тоже отправились в далёкую прогулку на северо-восток.

В первый и во второй дни им ещё попадались одиночки приискатели, копающиеся по берегам горных ручьёв. Но ещё через два дня они попали в такую глушь, где не было никого и ничего.

Решили отдохнуть. Устроили из ветвей шалаш, натаскали травы, съели по коробке само-разогревающихся консервов и легли спать.

Чёрными хлопьями падала на землю густая тьма. Было тепло, тихо и безветренно. И оба крепко уснули.

Ночью первым проснулся Баратов. Он насторожил слух, потёр виски и выполз из шалаша. Потом вернулся и дёрнул Реммера за рукав.

– Что ты? – спросил тот, вскакивая.

– Ты ничего не слышишь?

– Нет, ничего.

Прислушались. Всё было тихо-тихо.

– А что?

– Так, ничего, – ответил Баратов. – Мне показалось, что кто-то...

– Кричит, что ли? – перебил его Реммер.

– Нет. Что кто-то поёт.

Оба рассмеялись.

– Кто тут ночью будет распевать?! Давай спать дальше...

* * *

Вятский мужичок, дядя Иван, тот самый, с которым Реммер разговаривал на пароходе, человек был хитрый и дошлый.

Добравшись до приисков, он прикинул умом и сообразил, что ежели народ прёт больше к юго-востоку, то ему прямой расчёт немного удариться в сторону, чтобы, ежели будет удача, не делиться с кем-нибудь, а одному заграбастать всё.

Вот почему через некоторое время дядю Ивана можно было увидеть с мешком за плечами и огромной допотопной шомполкой пробирающимся через густые причудливые леса в верховьях реки Вишеры.

– Ну и места, – бормотал он, весело продвигаясь вперёд и покуривая набитую махоркой трубку. – В жизнь не видал таких местов.

Шёл дядя Иван три дня и думал так: «Дойду до места, а там и искать буду».

«Место» это представлялось дяде Ивану как нечто определённое, ну, вроде, скажем, своей пашни либо огорода, обнесённого жердями. Во всяком случае, дядя Иван был твёрдо уверен, что «место» должно иметь свои отличительные черты, по которым он его сразу узнает.

Но на шестой день зашёл дядя Иван в такую глушь, что и повернуться некуда. Сел он тогда на камень и подумал, не сбился ли он уже с дороги и не осталось ли «место» в стороне: либо влево, либо вправо. И после некоторого раздумья повернул дядя Иван вправо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.